

Образцов

5/III-86

5 ИЮН 1986

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЮБИЛЕИ

Сегодня Герою Социалистического Труда, народному артисту СССР Сергею Владимировичу Образцову исполняется 85 лет. Мы решили отойти от общепринятой традиции, когда о юбиларе пишут критики и искусствоведы, и заказали слово о С. В. Образцове... самому Образцову. Вот что из этого вышло.

Мне 85

Редакция «Советской культуры» попросила меня написать о том, как я ощущаю свои годы. Ну что ж, двадцати-и сорокалетним, наверное, интересно будет узнать, что их ожидает на девятом десятке. Итак.

Из Министерства культуры РСФСР еду домой. Министерство на площади Ногина, которая и при моей жизни много лет была Варварскими воротами. Лезу в метро. Втиснулся. «Осторожно. Двери закрываются. Следующая остановка «Кузнецкий мост».

Очень тесно. Повис на ручке. Какая-то девушка смотрит на меня, встает и говорит: «Садитесь, пожалуйста». Неужели я выгляжу таким старым и немощным? Нет, это, вероятно, потому, что она меня узнала. По телевизору. Там моя физиономия часто появляется.

Ну, конечно, садиться на место девушки я не согласен. «Спасибо, спасибо. Мне скоро выходить».

Моя мама повторяла, что трагедия старости состоит не в том, что человек стареет, а в том, что он остается молодым. Очень верно сказано. Не хочу я быть старым, да и не чувствую себя стариком. Хожу быстро. Редко кто меня на тротуаре обгоняет. Раньше-то, правда, никто не обгонял. В зеркале себя не узнаю. Неужели я такой седой?

«Осторожно. Двери закрываются. Следующая станция «Пушкинская». А была Страстная. Вот он, Пушкин. Как раз на том месте стоит, где была стена Страстного монастыря. А раньше-то он напротив стоял. В самом начале бульвара. Я видел, как его перевозили. Дождь был. Старушки под зонтиками плакали. Очень уж они привыкли к тому, что Пушкин на бульваре стоит.

Перешел улицу. Как раз надо мной угловой балкон. Я на этом балконе, когда мне тринадцать было, стоял и царя видел. Он по Тверской от Триумфальных ворот сквозь строй городских в лимузине с царницей и наследником ехал. Очень похож на того, что в парикмахерской висит. Только не такой розовый. Сколько же с того времени прошло?

Кучка очень молодых, слишком молодых девушек с визгливым хохотом перебегает дорогу в неполюбованном месте. Вот когда мне было двадцать, не было столько хороших девушек. Однажды в поле зрения. А сейчас видимо-невидимо на каждом шагу, и одна другой лучше.

Сворачиваю на улицу Немировича-Данченко. Я на ней живу. Не могу отделаться от ощущения грусти, что его

давно уже нет. Для меня-то он совсем недавно живой был. В театр меня принял. В Берлине, в Чехословакии, в Америке восемь месяцев вместе были, да и потом встречались, разговаривали. Когда же все это было? Мне кажется, что вчера. А сегодня иду ногами по «имени Немировича-Данченко».

Вот дом, в котором я живу. На нем много мемориальных досок, на них — имена людей, которые жили и умерли в этом доме: Немирович-Данченко, Книппер-Чехова, Москвин, Тарханов, Тарасова, Еланская и еще, и еще, и еще...

На тротуаре люди останавливаются и читают: здесь жил... здесь жил... здесь жила... Для меня-то это все живые, недавно живые люди. С Москвиным и Тарасовой в Ленинграде на лодке катались. С Тархановым и Москвиным в одних и тех же сборных концертах выступали. Они чеховскую «Хирургию» играли. Со всеми, со всеми, что на досках написаны, встречался, болтал, смеялся. Жил, одним словом.

Привыкнуть к тому, что их нет, не могу. Будто я виноват в том, что живу, а они умерли.

Думал всегда, что чем дольше живешь в городе, тем больше его знаешь. Неправда это. Родился в Москве. Всю жизнь в ней прожил, а все меньше и меньше Москву знаю. Забрось меня на парашюте, например, куда-нибудь в Теплый Стан, так я подумаю, что за границу попал. А Медведково? Село это было. Дачная местность. Там меня мама родила. Недавно я по какой-то причине оказался в Медведкове. Ну совсем не мой город. Хороший, красивый — да не мой. В другой Москве я живу. Совсем в другой. И люди в ней все до единого другие.

Все мое поколение, все мои друзья, приятели умерли. Мои товарищи по ВХУТЕМАСу — Дейнека, Вильямс, Гончаров, Пименов. Где они? Ни к одному не могу в гости пойти. Нет их. А актеры Музыкальной студии? Кемарская, Ягодкин, Люба Орлова, Баратов. Где они? А Второй МХАТ? Берсенев, Дурасова, Гиацинтова, Дейкун. Где они? Где писатели? Чуковский, Маршак, Эренбург? Ведь они друзьями были. Большими друзьями. Нет их теперь. В записной книжке их телефоны вычеркнул с болью. А из сверстников всего и осталось-то друга два-три.

В Ленинград приезжаю и сижу в гостинице. Друзья моего поколения умерли. Очень одиноко в Ленинграде.

Конечно, возникли новые дружбы с людьми, которые намного моложе меня. Только это уж другие дружбы. Не очень равные.

Что же это получается? Пессимистично как-то. А тем не менее никакого пессимизма я не испытываю. Просто мне кажется, что живу я вторую жизнь. И живу, пожалуй, быстрее, чем жил первую. Горячей. Скорей. Надо же успеть.

В семье все хорошо. Потомками я доволен. Все деловые, современные, не стилисты, не подонки. Никаких комплексов. Все при деле. Сын и внук — архитекторы, другой внук — физик, дочь — актриса нашего театра. Внучка — актриса драматического театра и режиссер. Старшая правнучка уже школьница, ну, а два младших правнука совсем маленькие. Все меня любят, и я всех люблю. В театре все благополучно. Зрители ходят. Свободных мест не бывает. Сейчас лето. Театр на гастролях. И я собираюсь к ним лететь в Тбилиси. Помимо спектаклей, у меня там сольные концерты. Потом в Москву.

Тут меня ждут гранки выходящей в издательстве «Советский писатель» моей книги «По ступенькам памяти». В ней будет 80 фотопортретов и 60 моих рисунков на полях. Очень жду эту книгу.

В издательстве «Искусство» выйдет третьим изданием моя «Эстафета искусств». Могу гордиться. Все-таки третье издание. Без всяких моих просьб.

До января надо поставить «Маугли». Ставлю вместе с нашим режиссером Владимиром Кусовым.

Предполагаются гастроли в Соединенных Штатах Америки. Впервые я был там 60 лет назад вместе с Музыкальной студией Художественного театра. Потом с гастроллями нашего театра, потом с моими сольными концертами. Потом по делам международной организации деятелей кукольного театра УНИМА.

Недавно подсчитывал, сколько раз выезжал на гастроли или конференции из нашей страны. Получилось сто один раз. Всегда, конечно, это очень интересно, если только недолго. Две недели, ну, месяц, это хорошо. А вот дольше невозможно трудно.

Вернусь, и надо ставить новые спектакли. «Задумок», как говорят теперь, много. Да вот только от «задумки» до премьеры дорога бывает длинная. А я тороплюсь. Живу скорее, чем жил, когда мне было двадцать. С ускорением живу.

С. ОБРАЗЦОВ.
Фото А. Михайлова.